

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц и бронзовой головы слона»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

Анна Бабина

«Презумпция вины»

Анна Бабина

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНЫ

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б12

Оформление обложки *Анастасии Ивановой*

Бабина А.
Б12 Презумпция вины : роман / Анна Бабина. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 288 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-26387-1

Можно ли жить с грузом вины? Постоянно мучиться оттого, что из-за тебя погиб близкий человек? Бабушка Лида так жила. Во время Отечественной войны ее сестра Зоя была связана с партизанами и расстреляна фашистами. Лида была уверена, что виновата — она. Из упрямства не послушала сестру, поступила по-своему, невольно тем самым выдала Зою.

Всю жизнь бабушка Лида прожила с этим камнем на шее. Он не давал ей жить, а сбросить — нельзя. Со временем она научилась мерить все Зоиной меркой и смотреть на все Зоинными глазами, словно проживая не собственную, а Зоину жизнь.

Внучки Лидии, хотя и не знали всей правды, тоже словно расплачивались за эту вину — жизнь у них была какой-то бестолковой.

Знай бабушка, что имела право снять этот камень, — сложилась бы ее жизнь и жизни ее внучек иначе? И можно ли об этом говорить в сослагательном наклонении?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26387-1

© Бабина А., 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024

Издательство АЗБУКА®

Часть 1

БАБУШКА ЛИДА

Отправляя нас в путь на поезде, мама сказала Зое: «Береги Лиду», а мне ничего не сказала. Будь я вдвое младше Зои — и бог с ним, но мы, считай, погодки: Зоя родилась в конце двадцать пятого, под Новый год, а я — в феврале двадцать седьмого.

Нам бы дружить, но все не складывалось.

Из-за меня.

Сколько себя помню, завидовала Зойке: и старше она, и статней, и все ее больше любят. И круглым очкам, через которые она смотрела на доску в школе, немного завидовала, хотя они, пожалуй, портили живое Зоино личико.

Ехали к тете Клаве, маминой одинокой сестре, в село Замошье.

Паровоз летел вперед, в солнечное утро, пока не отличимое от другого, будущего, в которое на слиянии Буга и Муховца ворвутся боль, страх, ужас и смерть. В этом, нормальном еще,

июньском утре никто не прыгал в окна в исподнем и без сапог, не срывал голос, командуя несуществующим уже взводом, не закрывал голову от осколков битого кирпича и горячего металла — тщетно, конечно. Это было мирное свежее летнее утро. В вагонах, послушно тянувшихся за черным, как таракан, паровозом, все было по-старому. Сопела Зоя, оглушительно храпел седой старичок, где-то надрывно плакал, изредка затихая на минуту-две, малыш. Ветер врвался в открытое окно, трепал нас по головам, остужал разгоряченные за ночь лица.

Наутро все торопливо что-то жевали, макали хлеб в масло и мед, смеялись. Зоя, улыбаясь каждому, кто с ней заговаривал, по-лошадиному аккуратно, мягкими губами, брала с ладони крупную черешню (представляешь, Лида, меня угостили ребята из соседнего вагона, такая вкусная черешня, я никогда такой не ела). Небрежно заплетенные светлые косы хлестали ее по плечам, стоило только резко повернуться.

Она была чудо как хороша.

Зоя смеялась, кокетливо поправляя завитки на висках, говорила о чем-то с заглянувшими к нам мальчишками — с каждым по очереди — и, конечно, интуитивно выбрала того, который больше всего понравился мне.

Каждое утро, даже в самую лютую январскую стужу, я умывалась ледяной водой.

Я шибче бегала на лыжах.

Презумпция вины

Мои передники и воротнички всегда были лучше накрахмалены.

Но они любили ее.

Все любили ее.

О маме и говорить нечего: незадолго до своей смерти она сказала мне издевательски-задушевым тоном: «Ты, Лидочка, понимаешь, у нас с папой случайно получилась. Мы и не думали, что так быстро родится *другая* дочь».

Другая — это я, понимаешь?

Папа еще как-то пытался меня любить: зимой по воскресеньям мы вместе ходили в лесок на лыжах, а летом ловили на заре тугих серебристых рыбешек в затоне. Когда мы бывали вдвоем, он немногословно хвалил меня, пробегал мозолистой пятерней по голове, цепляя волосы, и называл Лиданей. Лицо у него при этом делалось спокойным, тихим, как у святого на бабушкиной иконе, увитой бумажными гирляндами. Когда же мы возвращались, усталые и довольные, домой, мама, поджав губы, метала на стол тарелки и говорила, что помогает ей только Зоя.

Папа видел на подоконнике чистую пепельницу, вымытую Зоинными руками, и расплывался в улыбке. Мне он, наверное, не улыбнулся бы так, вымой я весь дом и крыльцо в придачу.

Я топталась на придверном коврикe, держа в руках лыжи, мокрый купальный костюм или садок с рыбой, и обо мне все будто бы забывали. Мимо в темном коридоре проплывала Зоя,

встряхивая косищами. В ее руках исходила паром кастрюля с наваристым маминым супом.

Накануне *того* лета я влюбилась в одного мальчика из нашего двора. Звали его, кажется, Сережкой. Тогда я еще и не знала, что значит «влюбилась». Просто, когда он проходил мимо, сворачивая в проулок, внутри меня что-то будто бы поднималось, теплело, и хотелось плакать, смеяться и бежать сломя голову под горку, туда, где гнилые мостки повисли над сахарным камским льдом.

Я редко говорила с ним, еще реже встречалась взглядами. Он был старше, учился в фабрично-заводском при заводе Свердлова, но, однако же, знал мое имя и даже предложил вместе побегать на лыжах вдоль реки к затону. Я раздумывала над этим (нет ли тут чего такого) недолго, а в воскресенье, спускаясь за водой к реке, увидела, как Сережка хохочет, болтая с моей сестрой.

Она и здесь оказалась ловчее, моя Зоя.

Казнят всегда на рассвете: у палачей свои, палаческие, законы.

Приговоренных собирались повесить, но наступление не дало времени сколотить добротную виселицу, и их размазали за околицей автоматными очередями.

Наяву я этого, по милости Божией, не увидела, зато во сне — сколько угодно.

Ночью подморозило, и оттаявший снег схватился по верху глянцевой коркой.

Наст под ногами проваливался, хрустел и резал босые ступни. Лунки следов вместо желтоватой послеоттепельной нечистоты затягивались красным. Сквозь кожу проступала нездешняя, междумирная голубизна.

Шла она тяжело, как старуха, но те, кто осмеливался заглянуть ей в лицо, замечали, что в углах запекшихся губ подрагивает улыбка. Словно не враги окружили ее у освеженной до кирпича церквушки, а приятели у реки.

Мне снилось ее тонкое лицо, изуродованное кровоподтеками, хлюпала юшка в протяжных следах, а потом она падала, срезанная под корень.

Наш корень.

Я решила, что из него должны прорасти многие и многие Чугуевы — такие, как она, не такие, как я.

Год за годом, в ужасе вскакивая — на сундуке, на жесткой кровати с панцирной сеткой, в постели рядом с первым, вторым и третьим, который и мужем-то не был, я всегда знала, что видела перед тем, как выбарахтаться из студенистого сна.

Я видела Зоино лицо, будто из кости вырезанное.

Когда мой третий, вечно находивший хорошие вещи за бесценок, принес по случаю моего юбилея настоящую камю, я долго держала ее на ладони, не решаясь надеть.

Каменный овал хранил профиль сестры, собранные на затылке косы, острую улыбку и глаза — условные, мертвые, лишенные зрачков.

Бархотка разрезала мою шею надвое, как несостоявшаяся Зоина петля.

Мне хотелось отбросить камешку подальше.

Только себя не отбросишь: не вывернешься из проклятого тела, не снимешь кожу, пропитавшуюся трусостью, глупостью и предательством.

Сам с собой до конца будешь, до самого конца.

В некоторые города лучше приезжать поездом. Наш Староуральск как раз из таких. Перетерпишь вокзал с его фасеточными цифровыми глазами и гнилыми кишками подземных переходов, станет легче. Сначала встретят бульвары — зеленые, медные или белые — в зависимости от сезона, оглушит шоссе Гагарина, полетят навстречу типовые бесприютные окраины: стеклоблоки в окнах подъездов, неряшливые деревья, хлебная корка асфальта, и над всем этим — белое уральское солнце.

И только потом, когда все это останется позади и замелькает перед глазами безликий центр со сталинками, попроси остановиться у Дворца культуры, не заезжая во двор. Не тужи, там не на что смотреть, кроме разбитой чаши фонтана да уродски обрезанных (у местных чинуш это называется «окронировать») тополей. Можешь поглядеть на фасад, фигуры

и с проспекта отлично видны, особенно осенью и зимой. Летом нужно исхитриться, чтобы листва не мешала, но, думаю, справишься, тем более что ничего примечательного в этих рабочих и колхозницах нет — типичный соцреализм, несколько топорный и наивный.

Ты, думаю, знаешь, что сквер перед Дворцом культуры называется сквером Зои Чугуевой. От проезжей части его отделяют три секции чугунной ограды: в каждом черном квадрате по черному лебедю. Кто это придумал, мне неизвестно. Надо бы в книгах по краеведению порыться, да все некогда.

В энциклопедии о ней коротко: «Зоя Михайловна Чугуева (11 июня 1925, гор. Староуральск (до 1957 — Голычев) — 19 января 1943, дер. Замошье) — подпольщица, комсомолка-героиня».

Хоть жизнь Зои и оборвалась в тысячах километров от Староуральска, ее именем у нас названы сквер и железнодорожная станция. Она осталась на двух сохранившихся чернобелых фотографиях, в двух топонимах родного города и во мне.

Окна моей квартиры выходят в этот сквер, где вечерами пьют пиво и фальшиво поют вечерашние дети. «Группу крови» поют, «Что такое осень» и еще что-то по-английски, я не понимаю.

Зоя очень любила петь. Голос у нее был низкий, с легкой хрипотцой — не для тех времен голос, не для тех песен, что пели все. Зоя

любила народные, слезливые, протяжные. Затянет «По Дону гуляет» — глядишь, и все уже плачут, даже у меня, мелкой, глаза на мокром месте. «От твоего пения, Зойка, в груди тесно», — приговаривала бабушка Настя, промокая глаза краем передника.

Бабушка Настя очень любила Зою. Очень. Больше, чем меня, ее все любили больше.

Теперь я и сама бабушка.

Времени нравится над нами шутить.

Закрывая глаза, я вижу Зою — светлокожую, пышноволосяную, кареглазую. В одну книгу вместо ее фотографии поместили портрет Ульяны Громовой — видно, редактор ошибся, — и я собственноручно накропала гневное письмо в издательство, мол, исправьте безобразие. Наша Зоя красивее — этого я, конечно, не написала.

Остроумная, внимательная, усидчивая — так говорили о ней, но я знала куда больше, потому что Зоя Чугуева — моя родная сестра.

Дорогая моя Зоюшка, Заюшка, ребенок мой ненаглядный!

Жизнь, как оказалось, очень коротка, даже если ею не разбрасываешься понапрасну. А уж я старалась. Старалась ни минуты зря не проспать, потому что знала всегда, что живу не свою жизнь, а Зойкину.

По порядку.

«Будь добра, Лидочка, пиши связно, не скачи с темы на тему», — говорила наша литератор-

ша. Видела бы ты, какая у нас была литераторша! Статная, высокая, платье черное с воротничком-стойкой и брошь на груди. Она такая и до войны была, и после — я ее часто встречала, она жила в нашем районе. Идет, очки блестят, прическа тоже блестит — волосок к волоску. В шею словно палка вставлена. Звали ее Ева Дмитриевна. Нас все смешило, что Ева. «Адама на нее нет», — веселились некоторые, поначитаннее, кто про церковь хоть что-то знал.

После того как... После Зойки, в общем, кажется, Ева Дмитриевна меня невзлюбила. Мне иногда думается, что никто не знал, только она знала. Впрочем, чушь все это.

Когда ты будешь это читать, папа, думаю, тебе уже расскажет, что была в нашем чугуевском роду героиня — Зоя Чугуева, твоя полная тезка, моя родная сестра. Жили мы в детстве в деревянном доме на окраине города Голычева, который тебе известен как Староуральск. Мне хочется верить, Зоюшка, что папа тебе все-все покажет: и место, где дом наш стоял, и пристань на Каме, куда купаться с Зойкой бегали, и школу, и сквер.

И ты поселишься в доме, в котором я столько лет прожила. В доме окнами на сквер имени сестры.

Сестры, которую я убила.

У тебя, Господи, своеобразное чувство юмора.

Анна Бабина

Самое главное сказала, теперь должно полегче пойти.

Ты, Зоюшка, уж мне помоги, миленькая моя. Читай, покуда читается. Не злись на меня.

Мне сложно говорить о том, о чем я никому в жизни...

Писать тем более сложно. С годами — все сложнее. Ева Дмитриевна, наверное, ужаснулась бы, дай я ей эту писанину почитать.

Кто знает, может, мы с ней и встретимся — там. Пройдет мимо, блеснет очочками. Сомневаюсь. Она, думаю, попала в другое место, не то, что мне уготовано. И с Зойкой я не встречусь никогда — потому же.

Оттягиваю главное.

Боюсь.

Всегда боялась — а надо быть смелой.

Как Зойка моя.

Будь смелой, внученька.

Говори скоту, что он скот, врагу — что он враг. Не молчи, как бы ни свербело внутри от страха.

Я погубила Зою, свою родную сестру.

Погубила, ха!

Убила.

19 декабря 1943 года в деревне Замошье я убила свою родную сестру.

Слышишь, Зоя?

Это я.

Все — я.

Часть 2

СТАРШАЯ, КСЕНИЯ

СНТ Уралуглерод, 2010

На лестнице скрипят третья и нижняя ступеньки — Ксения выучила. Вымучила. Жир со свинины нужно срезать, у Светлова печень плохая — тоже запомнила. Правда, как он с этой своей печенью пил, как не в себя, оставалось загадкой, но такое спрашивать нельзя — отхватишь и за более безобидные вещи.

Теперь жир можно, наверное, оставить, но она все равно кромсает каждый кусок — привычка.

И на скрипучие ступеньки не наступает — на всякий случай.

Кто его знает, этого Светлова. И в полынье тонул, и водкой паленой травился, а однажды, крепко выпив, кубарем скатился с той самой скрипучей лестницы — и ничего, почесался да поплелся на улицу, в щелястый сортир. Заговоренный какой-то. Был.

Надо бы продать дом, к черту. Говорят, за такие деньжищи можно в Староуральске купить приличную двушку в нормальном районе. Чтобы школа, «Пятерочка», поликлиника, во дворе детская площадка — Динка их очень любит, особенно качели и «обезьяньи дорожки». В прошлом году ездили в город за саженцами, так она всю площадку излазала, уезжала со слезами. Светлов же, как водится, орал — что-что, а это ему удавалось мастерски.

Во дворе заголосила курица, и Ксения встрепенулась. Продать, значит? Покончить раз и навсегда. Чтобы никакой живности, дойки, маслобойки, чтобы книги читать и даже — о ужас! — в театр ходить. На другой чаше воображаемых весов покачивались походы с девчонками на реку, дым осенних костров, крепкий, еще с апреля, огородный загар. И дом — этот ненавистный, жадный, угрюмый дом — тоже был там. Подмигивал треугольным, словно прищуренным, чердачным окном, скрипел во все ступеньки.

Она, когда-то городская, страшно боялась теперь этого города, огнеглазого чудища в жаркой асфальтовой чешуе. Он лежал в темноте за лесом, и на его поднятом хвосте танцевало пламя — факел СНОСа, Староуральскнефтьоргсинтеза. Через лес чудищу не проползти — это успокаивало.

Каждый день она изобретала новую причину остаться. Бывали дельные: например, ее

Презумпция вины

тревожило, как девочки пойдут в школу. Динка, конечно, встроится в школьную муштру, она и к Светлову приноровилась, да так, что почти и не страдала. Но Лиза...

Легка на помине.

Сухоногая, подвижная, как шарнирная фигурка для рисования, Лиза скользнула в кухню. Тень тенью. Неслышно — только она так умела — откинула скрипучую крышку хлебницы, ухватила горбушку, взлетела на лестницу, как белка, — ни одна ступенька не скрипнула — и вытянула ноги в клюквенных полосах запекшихся царапин.

Между грубо выструганных балясин качнулись нелепые косицы, пушащиеся на кончиках, мелькнуло голубое, совсем детское, платье — ни одна городская девчонка в ее возрасте не надела бы такое. Диковатая. Ведет себя как ребенок. «Регрессивное поведение, — говорилось в статье, — характерно для детей, переживших сексуальное насилие».

Насилие.

Нет ей, Ксении, прощения.

— Ужинать хочешь?

Лиза тряхнула косицами — нет.

— Дина во дворе?

Пожала плечами — не знаю.

Ксения закатила ком из горла обратно в желудок, шагнула под лестницу, к холодильнику, головой и грудью нырнула в спасительную прохладу. Долго и бессмысленно переставляла

внутри кастрюльки, банки, судочки — чтобы Лиза не заметила, что мать моргает часто-часто, давит между век слезы. Шуба намерзнет, опять придется размораживать, носиться с бутылками с кипятком туда-сюда. Она представила, как горячая вода тугой струей бьет из крана в белую фаянсовую раковину.

За лесом чудовище выдохнуло хищной пастью, зашевелилось, перекатывая по спине панельные домишки.

Ксения распрямилась, стараясь отвернуться, и почувствовала дуновение в волосах. Лизина рука с обкусанными ногтями и потемневшим колечком на среднем пальце погладила ее по голове и скрылась между балясин.

Староуральск, 1999

Ей вечно не везло. В школе кличка приклеилась — Ксюха-непруха. Если баскетбольный мяч отскакивал от перекладины шведской стенки и разбивал нос — будьте уверены, не кому-нибудь, а Диденко. Кто умудрился отравиться в столовой? Кого увезли с аппендицитом накануне выпускного? Диденко. Руку трижды ломала, да все левую — с гипсом таскаться, чесаться, а от контрольной все равно не освободят.

Это все мелочи были. По-крупному ей тоже не слишком везло: мама Лина, хрупкая и боль-

шеглазая, улыбалась с белого эмалевого овала посреди Северного кладбища. Она осталась краской на матовой бумаге, светлым в цветочек платьем в бабушкином шкафу, крошечной вышитой салфеткой на комодке, которую ни отец, ни Тая, мачеха, не решились убрать. Закрывая глаза, Ксения пыталась представить себе мать — и не могла. Когда красавица с лицом кинозвезды пятидесятых случайно нащупала в глубине молочно-белой тугой груди странный плотный комок, дочери едва исполнился год. Потом был еще год — мать отвоевала его у болезни. Сколько смогла. Она хотела, чтобы Ксения ее запомнила, и уже желтой, сухой, как ветка, снималась в фотоателье, соорудив на безволосой голове тюрбан из шелкового платка. Фотограф постарался на славу, и она выглядела очень хорошо — для смертельно больной женщины. И все же они все — бабушка, отец и Ксения — ненавидели эту фотографию. «Хуже, — говорил отец как-то чересчур спокойно, деловито даже, — только когда в гробу снимают». Бабушка Лида мелко кивала, пугающе глядя поверх его головы красными сухими глазами.

Ночью Ксения проснулась от деревянного стука. Висела темень, за окном плыла однообразная снеговина. Бабушка стояла на коленях в углу и тыкалась головой в пол.

«Господи, наказывай меня, меня-а, — слова шли внахлест, Ксения не могла разобрать, где

одно, где другое, — меня наказы... господи... я виновата... за что Линку-то, первенку мою? За что... гос... господи... я».

— Бабушка?

Стук прекратился. Обмылки слов повисли в воздухе, не долетев до господних ушей. Ксения потом не раз думала — зачем молиться за маму, которой уже нет? Помолилась бы за нее, Ксению.

Вместо этого перед первым классом бабушка Лида отдала ее отцу и его Тае.

Тая тоже считалась красивой, но вся красота ее была мелкая, обывательская. *Красивенькая*. Картиночка. Ручки и ножки маленькие, носик аккуратный, глазенки круглые, вечно удивленные. «Беспородная какая-то», — припечатала мачеху тетка Тамара, мамина сестра. Та уж припечатает так припечатает — вовек не отмоешься.

Тая ни злой не была, ни грубой, бобы перебирать и кофе молоть не заставляла, только — и то не всегда — вымыть за собой грязную тарелку или чашку. И все же Ксения ее ненавидела, горячо, крепко, как только может падчерица ненавидеть мачеху. Просто за то, что она не мать.

Вредила, конечно. Расковыривала аппетитный столбик алой помады и измазывала им зеркало. Доставала из тумбочки и подсовывала щенку мачехину сумочку, чтоб изгрыз и обмусолил. Один раз целую неделю держала за

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Анна Бабина

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНЫ

Ответственный редактор *Ю. Раутборн*
Литературный редактор *Т. Тимакова*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *О. Ануфриева, Л. Асанова*
Компьютерная верстка *Е. Днепровы*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.09.2024.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 3000 экз. Т-РР1-35371-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

